проводил персональные выставки, участвовал в больших ежегодных и двухгодичных выставках в Музее американского искусства Уитни, Института Карнеги, Художественного института Чикаго, художественной галереи "Corcoran", Национальной академии рисунка и Пенсильванской академии искусств. С 1930-го преподавал искусство в учебных заведениях и студиях Нью-Йорка; был избран действительным членом Национальной академии дизайна (1951) и Американского института искусств и словесности (1958). Его работы представлены сегодня в музее Метрополитен, Музее современного искусства в Нью-Йорке и других музеях США.

Работы братьев Сойеров экспонировались в 2008 — 2009 годах в Государственном Русском музее и Государственной Третьяковской галерее — на выставке "Американские художники из Российской империи".

Все три брата похоронены на небольшом еврейском кладбище "Асасіа" в Нью-Йорке.

А что же поэма Бурлюка, о которой Давид Давидович упоминает в своих письмах Никифорову? О ней также пишут во множестве других источников и даже энциклопедий — в статьях о братьях Сойерах. Она так и не была опубликована, как целый ряд других поэтических и прозаических произведений Бурлюка. Судя по всему, не попала она и к Никифорову — в противном случае она наверняка вошла бы в книгу "Д.Д. Бурлюк. Письма из коллекции С. Денисова", вышедшую в 2011 году в Тамбове — именно в ней собрана вся корреспонденция Давида и Маруси Бурлюков и Николая Алексеевича Никифорова.

Я задался целью разыскать поэму. Очевидно, найти её возможно было лишь в Америке — в архиве Бурлюка в университете Сиракуз либо других архивах. Но удача улыбнулась мне не в архиве Бурлюка, а в архиве… Мозеса Сойера. Это логично — рукопись была подарена Бурлюком имениннику сразу после публичного прочтения. Архивы американского искусства, собранные в Смитсоновском институте, дают поистине исчерпывающую информацию для исследователя.

Особый интерес представляют исправления — очевидно, поэма рождалась экспромтом непосредственно перед событием. И всё же она представляет собой не только биографический, но и литературный интерес. В русской поэзии обычно применяется строфа, состоящая из четырёх строк. В поэме "Братья Сойеры" Давид Бурлюк применил новую форму строфы — пятистрочие. Возможно, он и является её изобретателем. Интересно мнение об этом профессиональных литературоведов.

Приятно, что первая публикация поэмы Давида Бурлюка происходит именно в Одессе — ведь именно в нашем городе Давид Давидович Бурлюк стал дипломированным художником, окончив в 1911 году живописное отделение Одесского художественного училища по II разряду и получив диплом учителя чистописания и рисования.

В кругу ~~сердец~~ друзей, сердец оправе,
Увидя в сём пииты долг,
Попавши в глаз, минуя бровь.

18.

Прекрасный Мозес, чьи картины
Америку к себе влекут,
Как колоритные куртины:
Разлечься там, усесться тут,
Найдя глазам почёт — уют.

19.

Мне, русскому-американцу,
Вдвойне почётно: голос мой,
Моих стихов рифмезный танец
Постигнет ум учёный твой,
И мой язык — тебе родной!

20.

Поэт блистает своей песней;
Ты — симфонический закат —
Тебе разлив палитры тесен…
Ты краской, формами богат,
Мой Мозес, славный муз собрат…

21.

Ты победил! Дари цветами
Своей алмазящей тропы!
Ты оценён уже веками
Во имя славной той борьбы,
Где Геркулесовы столбы.

David Burliuk.

Александр БИРШТЕЙН

Болеет парус одинокий

А давайте-ка, друзья-читатели, друг другу вопросы задавать! Или загадки. Как у кого получится. Только я первый, ладно?

Такой вот у меня вопрос имеется:

— Почему это Валентин Катаев назвал свою повесть именно так — "Белеет парус одинокий"? Почему именно эти лермонтовские строки его привлекли?

Видите, я даже не спрашиваю: любите ли вы эту повесть? Читали ли ее? Уверен, что да! Итак? Времени вроде прошло прилично, а ответа я не дождался. Стесняетесь? Тогда попробую сам. Но учтите, это не более чем версия.

Что такое белый парус в море? О, это свобода, это романтика, это простор и соленый ветер. Но! Парус-то у нас одинокий! Он один, единичен, одинок, он единственный, наконец. Как глоток свободы…

Теперь давайте вспомним, когда написана повесть. 1936-й год. Иллюзий давно не осталось. Тем более — после поездки на Волго-Дон. Кто-то из коллег арестован, кто-то, как добрый и талантливейший Осип Мандельштам, сослан.

Так что надо было написать, причем срочно, что-то революционное. Вдруг да поспоспешествует. А родной город предоставляет для этого широкие возможности. Броненосец "Потемкин", революция 1905 года… Все это Одесса! Чего лучше! Опять же: можно взять эпизоды из собственного детства. Так Валя Катаев стал Петей Бачеем, а Женя Катаев (Петров) — Павликом.

— А Гаврик? — дорветесь и вы до вопроса.

Отвечаю:

— Гаврик — это имя, произведенное автором из другого, близкого по звучанию. С легкой руки — или не очень легкой! — Виктора Гюго каждая теперь революция обзаводится своим Гаврошем. Гаврик… Гаврош… Похоже, правда? Смею предположить, что Гаврика ждала судьба, аналогичная судьбе Гавроша. Но… Рано или поздно герои наши любимые становятся сильнее нас, и… Убил все-таки парочку большевиков — с удовольствием? — дедушку Гаврика и Терентия. Принес, так сказать, жертву.

Но я забежал вперед.

А сейчас вернусь к себе 6 — 7-летнему. Именно тогда попала мне в руки эта книжка. О, я всерьез готовился стать пионером и книги о революции глотал только так. А тут и революция, и любимая Одесса! Не книга — сокровище!

Я был мал тогда и, конечно, не заметил, что автор, процитировав первую строфу стихотворения М.Ю. Лермонтова, тут же, буквально через абзац, употребил эпитет "одинокий" по отношению к "Потемкину".

"На всем же остальном своем громадном пространстве море светилось такой нежной, такой грустной голубизной августовского штиля, что невозможно было не вспомнить:

Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом…

…Несколько раз, таинственный и одинокий, появлялся мятежный броненосец на горизонте в виду бессарабских берегов…"

Да и как-то унизительно сам броненосец показан…

"…шла назад из Констанцы в Севастополь черноморская эскадра, таща на буксире, как на аркане, схваченного мятежника…"

А тогда… Скучновато все начиналось. Мальчик Петя Бачей, возвращаясь в Одессу из-под Аккермана, где летом жил на даче, становится свидетелем того, как множество солдат, жандармов, полицейских и даже один специально обученный сыщик ловят матроса с броненосца "Потемкин". Правда, портрет этого матроса, даваемый Катаевым, не очень убеждает в необходимости таких поисков. Судите сами.

"…Это был коренастый человек с молодым, бледным от испуга лицом и карими не то веселыми, не то насмерть испуганными глазами…"

Грозная сила, правда?

Это еще что! В конце повести автор дает другой портрет Родиона Жукова, а это о нем идет речь. Я приведу его в свое время так же, как и портреты других большевиков. И вы поймете, как любил Катаев этих своих героев.

Но мальчик Петя приезжает в Одессу. К себе домой на Канатную угол Куликова поля.

Естественно, в Одессу переносится и действие повести. И сразу читать становится необыкновенно интересно! Потому что Люстдорф, Дача Ковалевского, Фонтан, Аркадия, Отрада, Ланжерон.

"…Большой Фонтан, Средний Фонтан, Малый Фонтан, высокие обрывистые берега, поросшие дерезой, шиповником, сиренью, боярышником.

В воде под берегом — скалы, до половины зеленые от тины, и на этих скалах — рыболовы с бамбуковыми удочками и купальщики.

А вот и "Аркадия", ресторан на сваях, раковина для оркестра — издали маленькая, не больше суфлерской будки, — разноцветные зонтики, скатерти, по которым бежит свежий ветер.

Все эти подробности возникали перед глазами мальчика, одна другой свежее, одна другой интереснее. Но они не были забыты. Нет! Их ни за что нельзя было забыть, как нельзя было забыть свое имя…"

Потому что Потемкинская (в будущем!) лестница, Дюк, Куликово поле, "Привоз", Канатная, вокзал, Ближние Мельницы, Ришельевская, Екатерининская…

Потому что… Да что там — главным героем книги становится дивный город, в котором живут эти замечательные Петя и Гаврик, город, наименее подверженный сословным различиям, питающий и вдохновляющий дружбу двух мальчишек.

А революция? Фон, мрачный, неприятный фон. Судите сами.

"…Несколько человек, среди которых Петя узнал высокую, страшно худую фигуру Синичкина, припав к подоконвинам высаженных окон, часто стреляли вниз из револьверов.

Петя увидел перевязанную голову Терентия и барашковый воротник матроса. Мелькали еще какая-то черная косматая бурка и студенческая фуражка.

И все это плыло и тонуло в синеватых волокнах дыма.

Матрос стоял на одном колене у подоконника, на котором лежала стальная тумбочка, и поминутно высовывал наружу дергающуюся от выстрела руку. Он кричал бешеным голосом:

— Огонь! Огонь! Огонь!

И среди всего этого движения, беспорядка, суеты, дыма лишь один человек — с желтым, равнодушным, восковым лицом и черной дыркой над закрытым глазом — был совершенно спокоен.

Он неудобно лежал поперек комнаты, лицом вверх, на полу, среди пустых обойм и гильз…"

Справедливости ради надобно сказать, что правители и те, кто с ними рядом, давали основания для ненависти и сопротивления.

"…Иду по Французскому бульвару и глазам своим не верю.

Великолепнейший выезд, рысаки в серых яблоках, ландо, на козлах кучер-солдат в белых перчатках, шум, гром, блеск… Две дамы в белых косынках с красными крестами, в бархатных собольих ротондах, на пальцах вот такие брильянты, лорнеты, брови намазаны, глаза блестят от белладонны, и напротив два шикарных адъютанта с зеркальными саблями, с папиросами в белых зубах. Хохот, веселье… И, как бы вы думали, кто? Мадам Каульбарс с дочерью и поклонниками катит в Аркадию, в то время когда Россия буквально истекает кровью и слезами! Ну, что вы скажете? Нет, вы только подумайте — вот такие брильянты! А, позвольте спросить, откуда? Наворовали, награбили, набили карманы…"

Кстати, если заметили, мало что изменилось. Все те же семьи высших чинов, все тот же Французский бульвар… Разве что вместо конных выездов престижные иномарки.

И еще. Катаев впервые в советской и, наверное, в мировой литературе, в разгар ежовщины, между прочим, показал еврейский погром во всей его мерзости, жестокости и беспощадности. Мне возразят, что о погромах писали И. Бабель, И. Уткин, К. Паустовский. Да, конечно. Но они только упоминали, а Катаев описал погром подробно и беспощадно.

"…Из толпы выбежала большая, усатая, накрест перевязанная двумя платками женщина с багрово-синими щеками. Ее выпуклые черные глаза цвета винограда "изабелла" были люто и решительно устремлены на окна. (…)

— А, жидовские морды! — закричала она пронзительным, привозным голосом. — Попрятались? Ничего, мы вас сейчас найдем! Православные люди, выставляйте иконы!

С этими словами она подобрала спереди юбку и решительно перебежала улицу, выбрав на ходу большой голыш из кучи, приготовленной для ремонта мостовой.

Следом за ней из толпы вышло человек двадцать чубатых длинноруких молодцов с трехцветными бантиками на пальто и поддевках. Они не торопясь один за другим перешли улицу мимо кучи камней, и каждый, проходя, наклонялся глубоко и проворно.

Когда прошел последний, на месте кучи оказалась совершенно гладкая земля.

Наступила мертвая тишина. Теперь часы уже не щелкали, а стреляли, и в окнах были вставлены черные стекла.

(…)

Тишина продолжалась еще одно невыносимое мгновение и рухнула. Где-то внизу бацнул в стекло первый камень. И тогда шквал обрушился на дом. На тротуар полетели стекла. …

Вся озверевшая толпа со свистом и гиканьем окружила дом. Портрет в золотой раме с коронкой косо поднимался то здесь, то там. Казалось, что офицер в эполетах и голубой ленте через плечо, окруженный хоругвями, все время встает на цыпочки, желая заглянуть через головы…"

Тоже, кстати, революционный фон. Более того, Катаев глазами своего прототипа Пети показал и отношение к этому мерзкому явлению.

"…Несколько дней после этого тротуар возле дома был усеян камнями, битым стеклом, обломками ящиков, растертыми шариками синьки, рисом, тряпками и всевозможной домашней рухлядью.

На полянке, в кустах, можно было вдруг найти альбом с фотографиями, бамбуковую этажерку, лампу или утюг.

Прохожие тщательно обходили эти обломки, как будто одно прикосновение к ним могло сделать человека причастным к погрому и запятнать на всю жизнь…"

Конечно, Валентин Катаев мастер. Ну, написал бы он, что ему, мягко говоря, не совсем нравится Терентий. Так зарубили бы рукопись еще на стадии первой редактуры в Гослите. А Катаев просто дает портрет Терентия.

"…Выражение его сконфуженного конопатого лица, покрытого мельчайшими капельками пота, совсем не соответствовало атлетической фигуре. Насколько фигура была сильной и даже как бы грозной, настолько лицо казалось добродушным, почти бабьим…"

Хорош инсургент с бабьим лицом. Бр-р…

А сама революция как показана? Сожженные суда и эстакада в порту.

Кто их пожег? Пьяный революционный народ.

"…И вдруг Петя увидел торчащие из зеркальной воды трубу и две мачты. Они проплыли совсем близко от борта, черные, страшные, мертвые…

Пассажиры, столпившиеся у борта, ахнули.

— Потопили пароход, — сказал кто-то тихо.

"Кто же потопил?" — хотел спросить мальчик, чувствуя ужас. Но тут же увидел еще более жуткое: железный скелет сгоревшего парохода, прислоненный к обуглившемуся причалу.

— Сожгли, — еще тише сказал тот же голос. (…)

…Но когда на железнодорожном переезде мальчик вдруг увидел сожженную дотла эстакаду, горы обугленных шпал, петли рельсов, повисших в воздухе, колеса опрокинутых вагонов, весь этот неподвижный хаос, он закричал, захлебываясь:

— Ой, что это? Посмотрите! Послушайте, извозчик, что это?

— Пожгли, — сказал извозчик таинственно и закачал головой в твердой касторовой шляпе, не то осуждая, не то одобряя…"

И еще, смотрите: царь даровал народу конституцию. Пусть несовершенную, пусть половинчатую, но конституцию! И… Вооруженное восстание. То есть какие-то люди с Жуковым и Терентием во главе из окна какой-то квартиры стреляют по солдатам. Возможно, даже по тем солдатам, которые кормили хлебом и кашей голодного Гаврика. Это еще что! Патроны для этой стрельбы носят им девятилетний Гаврик и восьмилетний Петя. Очень нравственные революционеры. Правда?

И ребята — герои. Только с точки зрения какой же это морали?

А потемкинец-матрос-большевик Жуков? Это тот, кто кинул бомбу в пристава. Прямо на улице. А сколько невинных людей пострадали при этом?

Катаев дает еще один портрет Жукова. Я долго издевательски смеялся, прочтя это:

"…Мало того, что на нем были кремовые брюки, зеленые носки и ослепительно-белые парусиновые туфли.

Мало того, что из кармана синего пиджака высовывался алый шелковый платок и в галстуке рисунка "павлиний глаз" сверкала сапфировая подковка.

Мало того, что на груди коробком стояла крахмальная манишка, а щеки подпирал высокий крахмальный воротник с углами, отогнутыми, как у визитной карточки.

Наконец, мало того, что твердая соломенная шляпа "канотье" с полосатой лентой франтовски сидела на затылке…"

Вот и спрашивается: стоит ли спасение этого человека стольких жизней? Дедушка Гаврика, например. А ведь при побеге Жукова из тюрьмы тоже жертвы были…

Боже, что творили эти Жуковы победившей революции!

Я не раз и не два читал, что настоящий Катаев начался с "Травы забвения", "Святого колодца", "Волшебного рога…"…

Нетушки!

Настоящий Катаев был всегда!

И в "Сыне полка", и во "Время вперед"… Настоящий Катаев дал дорогу, привел к нам Аксенова и Гладилина, Евтушенко и Ахмадулину, Вознесенского, и Окуджаву, и… очень многих из тех, кто и сейчас гордость русской литературы.

Настоящий Катаев подарил нам замечательную книгу о дивном городе, о бескрайнем море, о людях, оставшихся людьми, несмотря ни на что. И о дружбе детской — крепкой и настоящей.